

УДК 171: 16 + 179.9

Достоинство и моральные законы — «ЖИЗНЬ И СВЕТ» ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Л. Ф. Евменов, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси*

С. А. Мякчило, научный сотрудник**

В статье раскрыты теоретико-методологические предпосылки трансформации философского и междисциплинарного дискурса достоинства в современном обществе. Обоснована структура предметного поля и направления исследования феномена достоинства, его ценностно-мировоззренческих, семиотических, социально-организационных и правовых проекций. На материале книги «Логика достоинства и свободы личности», увидевшей свет в Институте философии НАН Беларуси в 2016 г., показаны линии становления новой исследовательской программы в области философии достоинства, связанной с методологической проработкой конвергенционной триады «достоинство — права — обязанности», раскрытием соотношения достоинства, свободы и ответственности в конкретных социально-практических контекстах.

Ключевые слова: достоинство личности, философия достоинства, логика достоинства и свободы, императив достоинства, конвергенционная триада, антропологический генезис, права и ответственность субъекта.

Dignity and Moral Law — «Life and Light» of the Human Civilization

L. F. Yaumenau, PhD in Philosophy, Professor, Associate Member of the National Academy
of Sciences of Belarus

S. A. Miakchilo, Researcher

This article reveals the theoretical and methodological preconditions of transformation of philosophical and interdisciplinary discourse of dignity in the modern society. The structure of the subject field and directions of investigation of dignity phenomenon, its value and world view, semiotic, social-organisational and law projections are identified. On the basis of the book «Logics of person's dignity and freedom», that was published by the the Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus in 2016, the development of a new research programme in the field of dignity philosophy is shown. The philosophy of dignity is connected with methodological processing of the triad of convergence «dignity-rights-duties», discovering of correlation between dignity, freedom and responsibility in specific social and practical situations.

Key words: person's dignity, philosophy of dignity, logics of dignity and freedom, imperative of dignity, triad of convergence, anthropological genesis, subject's rights and responsibility.

«Ценность и достоинство человека заключены в его сердце и в его воле; именно здесь — основа его подлинной чести», — пишет Мишель Монтень в 31-й главе своих «Опытов». За этой фразой, высказанной как бы между прочим, в рассуждении о случайности военных побед и о славе, которую приносят стойко принятые поражения, стоит, тем не менее, целая история: сложный, нелинейный, противоречивый процесс зарождения, смыслового наполнения и развития понятий о достоинстве, свободе, правах и ответственности человека.

Человечество на пути становления морального законодательства прошло длинную дистанцию от представления о достоинстве как внешней, оценоч-

ной характеристике личности или вещи, от рассуждений о способах распознать, сравнить и зафиксировать меру достоинства в субъекте — к пониманию того, что достоинство является атрибутивным признаком человечности и что, более того, достоинство и свобода личности — две проекции единого субстанциального начала, имя которому — человек. Эта трансформация в известном смысле совпадает по длительности с историей цивилизации, становлением ее интеллектуальной культуры. Процесс этот, взятый в самых общих, категориальных основаниях, можно представить в логике «освоения», интериоризации достоинства во всем спектре проявлений морального сознания. С другого ракурса,

* Главный научный сотрудник Института философии НАН Беларуси.

** Научный сотрудник Института философии НАН Беларуси.

тот же процесс выглядит как «очеловечивание» теории, социализация и гуманизация знания как такового.

Вместе с тем дискурс, затрагивающий вопросы онтологии человеческого мира, систему фундаментальных идей и явлений, которыми задаются рамки понимания человечности, состоит по преимуществу из неотвеченных вопросов. Что означает быть человеком в эпоху, которую С. Московиси тридцать лет назад метко обозначил «веком толп» [1] и которую сегодня все чаще определяют через представления о чем-то внечеловеческом, артефактном — индустрии, технологии, информации, сети? Должно ли стать модельное определение человека медико-биологическим, психологическим, социальным, этическим или техницистским? Обладает ли оно только категориальным смыслом или также и четко очерченным практическим содержанием? Сможем ли мы опереться на такое определение в поиске способа объединить потенциал традиций социально-гуманитарной мысли, исповедующих отличные, в чем-то гетерогенные ценностные установки, — таких как европейская (континентальная) и англо-американская, российско-белорусская, китайская, арабо-исламская?

Думается, что пролить свет на этико-антропологические проблемы современного общества призвана обновленная философско-методологическая проработка понятий *достоинства личности, ее прав и обязанностей, свободы и ответственности*.

Нельзя назвать ни одной развитой мировоззренческой системы, в которой не было бы реализовано представление о достоинстве и его критериях. Не существует ни одного международного кодекса, в котором идея достоинства человека не присутствовала бы в числе источников правовых определений. Не проходит и дня, чтобы мотив достоинства не возникал в качестве аргумента в полемике по вопросам государственного строительства и управления, права и правоохранной деятельности, практического мультикультурализма и профессиональных отношений, этических аспектов различных профессий и занятий. И, конечно, эта дискуссия находит свое отражение в целом спектре философско-теоретических изысканий — от современной православной и неотомистской мысли до идеологии либертарианства, от философии контрактуализма Дж. Роулза [2] до коммуникативной теории Ю. Хабермаса, стремящегося дать социально-историческое обоснование процесса «раздифференциации» достоинства, которое, будучи изначально разделительным маркером происхождения и статуса, с течением времени воплощается в понятие о равнодостоинстве как «нормативной субстанции» прав человека [3]. Весомый вклад

в дискуссии о достоинстве внесли работы советских и российских теоретиков последней четверти XX — начала XXI столетия: Р. Г. Апресяна, В. В. Бибихина, С. Г. Братуся, А. А. Гусейнова, В. В. Кузнецова, Н. В. Медведева и др. Философско-методологическим введением в проблематику философии достоинства служат работы белорусских ученых [4; 5; 6].

В последние годы объектом рефлексии стали многие факты, свидетельствующие об остром *кризисе достоинства* в транзитивном социуме. Каждый день мы слышим о гражданском противостоянии и насилии в ряде точек земного шара; о размахе глобального терроризма и взаимном ожесточении, с которым ведутся современные гибридные войны; о потоках беженцев, с риском для жизни проделывающих путь в Европу, чтобы столкнуться там с отторжением, которое ставит под угрозу саму идею культурно-цивилизационного единства; о распространении трансгуманных подходов и прогрессе технологий, меняющих биопсихосоциальную идентичность человека; о столкновении традиционной морали с требованиями терпимости ко всем возможным формам социально-функционального, гендерного, вероисповедного самовыражения. Мы видим, как эти сюжеты приводят к противоречиям и расколу там, где, казалось бы, давно установлено взаимопонимание на началах рационального гуманизма. Кризис достоинства ставит под сомнение социорегулирующую силу «морального закона».

Идея достоинства, несмотря на всю ее философскую, этическую и правовую проработку, остается открытой проблемой. Достоинство — это безусловная ценность и прерогатива человека, — пишет П. Ле Коз. Вместе с тем налицо «семантическая инфляция» этого понятия, очевидная из текстов правовых документов, рекомендаций в сфере нравственности. Вместо того чтобы обогатить дискуссию, оно становится поводом воздержаться от нее. Как понятие с нечетким содержанием, достоинство с течением времени стало таким предлогом, который в дебатах по этическим вопросам позволяет защищать любую позицию, как и ее противоположность (см.: [7, p. 17]). Современность с ее многообразными рисками расчеловечивания — от бестияльности терроризма и войн, ведущихся средствами массового поражения, до угрозы растворения человека в прагматичных инструментах техносреды — предельно обнажает противоречия того понимания достоинства, прав, ответственности, которое сложилось в традиции Ренессанса и Просвещения, артикулировалось с опорой на мировоззренческие принципы и правовые механизмы индустриального общества.

Скажем больше: кризис достоинства в общественной практике и инфляция понятия досто-

инства в дискурсе — одноприродные процессы. Их выражением служат социально-практические парадоксы: своего рода *апории достоинства*. Это те самые ситуации, в которых этический образ достоинства расходится с показателями конкретных «достоинств» социальных субъектов, идея прав личности — с практикой правовой системы, онтологическая характеристика свободы — с представлением о «свободах», становящихся порой разменной монетой политической игры, мощь морально-императивной ответственности — с частной алгоритмикой «привлечения» к ответственности и ее «избежания».

Для разрешения этих апорий принципиально важно осознавать субстанциальную связь достоинства со свободой личности. Обобщая спектр философских воззрений (от панлогического «свобода есть познанная необходимость» до экзистенциалистского «мы прокляты нашей свободой»), разумно будет представить свободу как поле реализации принципа достоинства, его имплицитный критерий (признание достоинства неотрывно от признания внутренней свободы субъекта). И одновременно достоинство личности, группы, социума раскрывается как мера осознания этой свободы, открытость к ней, готовность «справляться» и «управлять» ею. Разумеется, достоинство манифестирует себя и в несвободном, антагонистическом социуме. Но кризис достоинства проявляется прежде всего там, где свободу не «отвергают», не «ущемляют», а именно «обесценивают» средствами понятийно-коммуникативных, технологических манипуляций. Кризис достоинства наступает в обществе, где свобода воспринимается как объект управления — сугубо внешняя, формальная сторона социальных взаимодействий.

Можно назвать не одну сотню публикаций по тематике достоинства и свободы личности, ссылающихся на идеи Аристотеля, Канта, Руссо, Пейна, Чаадаева, Маркса, Бердяева, Фромма, Хабермаса, Роулза. И все же было бы преувеличением сказать, что теория достоинства сложилась в сколь-нибудь четкой форме: в дисциплинарном или трансдисциплинарном ключе. Не данностью, а исследовательским проектом, для работы над которым должны объединить усилия представители различных ветвей гуманитаристики, остается фундаментальная этико-методологическая доктрина достоинства.

Эта дисциплина не возникнет на пустом месте. Можно говорить о том, что она опирается на *культурологию достоинства* — систематизацию и интерпретацию образов и критериев достоинства, какими они бытуют в разных культурах в различные исторические эпохи. Принципиально важно сформулировать основания *герменевтики достоинства*, обеспечивающей его понимание в контексте знако-

во-символических комплексов, коммуникативных сред. Поскольку достоинство не только не является сугубо теоретическим принципом, но и оттеняет реальные обстоятельства жизни, воздействуя на самосознание, выбор, поступки человека, то необходима *экзистенциальная аналитика* достоинства, которая позволила бы увидеть, как оно проявляется в контекстах поисков смысла жизни и счастья, деятельности в сфере труда и игры, переживания любви и враждебности, веры и безверия, творчества и разрушения. И, разумеется, чтобы связать все эти представления между собой, речь должна идти о системе принципов взаимосвязи, развития, конвергенции понятий и представлений, в которых формулируется философская картина достоинства и свободы, — о ее имплицитной *логике*.

Понимание комплексности философии достоинства легло в основу коллективной работы «Логика достоинства и свободы личности» [8], подготовленной в стенах Института философии НАН Беларуси и увидевшей свет в 2016 г. Композиция книги как раз и оправдывает употребление понятия «логика», на первый взгляд не очевидное.

Известно определение логики из советского издания «Философской энциклопедии»: это, во-первых, наука о законах, формах и приемах познания мира, а во-вторых, сам характер закономерностей развития и взаимосвязей предметов и явлений объективной действительности. Используя формулу «логика достоинства и свободы», подразумевают, во-первых, схематизм возрастания знаний о достоинстве, диалектическую взаимосвязь между идеями достоинства, свободы, ответственности, прав личности; во-вторых, представление о том, как они объективно, субстанциально складываются в общественной жизни; в-третьих, понимание того, что теоретический и практический план бытования достоинства, прав, свободы, ответственности объединены между собой прямыми и обратными связями. Эта логика несет в себе заряд рефлексии в гегелевском понимании — параллелизма и взаимного отображения между теоретическим конструктом и действием. Гегель подчеркивает: «Хотя логическое в начале [его] изучения не существует для духа в... сознательной силе, он благодаря этому изучению не в меньшей мере вбирает в себя ту силу, которая ведет его ко всякой истине» [9, с. 112].

Почему этико-методологическая разработка категории достоинства оборачивается конструированием логики достоинства и свободы? Причина — в стремлении зафиксировать в матрице понятий феномены человеческого духа и общественной жизни, формирующие систему объективных свидетельств достоинства, гарантов права, рамочных условий и ограничителей человеческой самости, из

которых складывается императив ответственности субъекта. Такая матрица сродни тому, что в обществоведении XX—XXI вв. обозначается понятием «социологика» — это совокупность средств конструирования знаний, факторов формирования убеждений, поведения и коммуникации людей. На страницах научных работ мы встречаем модели социологии семиотических систем, систем знания, экономической жизни. Логика достоинства и свободы раскрывает социологику морально-правовой регуляции общественных отношений, становления, воспроизводства и трансляции морального сознания. В этой (социо-)логике достоинство предстает как креативный принцип, создающий предпосылки для формирования и конкретизации моральных норм, из которых вытекают понятия и явления прав и обязанностей человека. Источником достоинства выступает разум и творящая деятельность человека, обобщенная в представлении о культуротворческой природе человеческого существа, высшим продуктом которой являются нравственные императивы культуры. В свою очередь, реализация прав и обязанностей личности возвышает, наполняет экзистенциальным содержанием уже добытое им достоинство (см. рис. 1).

Рис. 1. Основания понятийного поля логики достоинства и свободы личности

Тем самым (социо-)логика достоинства демонстрирует переход от феномена достоинства к идее, от идеи достоинства — к теоретическому и методологическому принципу, наконец, от принципа — к императиву достоинства. Такой же, параллельный переход имеет место в концептуализации права и ответственности (обязанностей, долга) личности.

Логика достоинства показывает, как эти понятия, осознанные в качестве *взаимосвязанных, взаимосвязанных, конвергентных императивов*, призваны осуществить высшую, надпрагматическую регулятивную функцию, путь к которой лежит через последовательное повышение уровня и цельности самосознания человечества — рефлексии культуры.

Разумеется, эта понятийная схема еще далеко не везде и не в полной мере реализуется на практике. Но выдающиеся произведения литературы и искусства XX—XXI вв. уже отразили ее своими сюжетами и образами. Творчество философов социально-критической школы, представителей традиции экзистенциализма, гуманистической психологии, эколого-ноосферной парадигмы разметило ее категориальными вехами и методологическими ориентирами ценностномерного мышления. Работа авторов международных конвенций о достоинстве и правах человека, современных школ конституционного права укрепила социально-практические основания этой схемы. И каким бы туманным, угрожающим ни казалось сегодня будущее мировой цивилизации, думается, что нас ожидает медленное, не всегда уверенное, но все же поступательное движение к ее полному воплощению.

Отсюда вытекает программа исследования логики достоинства и свободы личности. Обосновывая ее структуру, подчеркнем еще раз: отправной точкой, базовой интуицией здесь служит идея неразрывной связи между идеями и понятиями достоинства личности, личностной свободы, ответственности и прав человека. Поэтому, говоря о достоинстве личности, мы так или иначе подразумеваем серию проекций, которые не существуют друг без друга: это проекция в плоскость философской антропологии, антропо- и культурогенеза (за ней стоит «чистое» понятие достоинства), онтологическая проекция (представление о свободе личности), этическая проекция (идея ответственности), наконец, проекция социально-правовая (дерево понятий, вырастающее из концепта прав человеческой личности).

Условно данную программу можно разделить на пять направлений. Это, во-первых, культурно-исторические и дискурсивные аспекты становления понятийного комплекса достоинства. Во-вторых, анализ понятийного комплекса достоинства в современной науке и ее социально-гуманитарных дисциплинах. В-третьих, раскрытие места, которое, благодаря теоретико-методологической подпитке из сферы философии, понятийный комплекс достоинства обретает в сознании глобального сообщества. Отражением этого комплекса служит здесь международное право о достоинстве и правах человека. В-четвертых, многообразие социальных прак-

тик, в которых понятийный комплекс достоинства играет регулятивную роль. Наконец, практические проблемы правового обеспечения и защиты достоинства и прав человека.

Предметом работы по *первому направлению* является взаимный социально-антропологический генезис достоинства и морального законодательства, проблематика социально-практического раскрытия, осуществления достоинства как этической категории и доминанты культуры. Важным предметным аспектом является диалектика отношений достоинства, прав и обязанностей, гарантирующих такой уровень морально-правового самосознания общества, в котором будет услышан «внутренний голос» достоинства личности, а обязанности будут поняты как его образующее начало. На этом пути достоинство, права и ответственность должны быть постулированы как категорические императивы социального бытия. Достоинство личности предстает как ее мироощущение в качестве творца человеческой цивилизации, выражается в притязаниях и долженствовании человека по отношению к окружающей действительности, государству и обществу, своему «Я» и «Другому», обнаруживается в его идеях и понятиях, чувствах и поступках.

Методологическая основа данного понимания — *конвергенционная триада* категорий достоинства, прав и обязанностей. Стоящие за ними представления в социогенезе складываются параллельно. Так, первоосновой *достоинства* выступает самоуважение личности и взаимное уважение членов сообщества, вырастающее в коммуникации между ними; источником *права* — трудовая деятельность и распределение результатов труда (и тот и другой процессы также имеют весомый коммуникационный аспект); фундаментом *ответственности* — взаимно принятые обязательства и долг людей как корреляты способности к договору, регуляции труда и распределения его продукта. Подчеркнем: реализованные права оказывают решающее влияние на облик достоинства, поскольку право появляется там, где налично дефицит достоинства, его поправление, — затем, чтобы компенсировать этот недостаток. Тем самым мы можем воспринимать права человека сквозь призму культуры обязанностей, свободы и долга.

Второе направление работы связано с пониманием новых социально-онтологических рамок достоинства личности, которые создает постиндустриальное общество. Демократизация общественных отношений выдвинула на первый план измерение разума, многие века остававшееся имплицитным, неявно воздействующим на поступки людей и «прорывающимся наружу» лишь в самых ярких фигурах истории. Это *нравственная рациональность*, воплощенная сегодня в этосе технона-

уки, в первых ростках глобальной политической этики и цивилизационной ответственности. Для постиндустриальной эпохи критерием выражения понятийного комплекса достоинства выступает глубина интеллектуальной жизни, которая, в свою очередь, раскрывается через соотношение интеллектуализма и интеллигентности (признаками последней выступают полнота духовной жизни, развитый кругозор и устойчивая система мировоззренческих принципов, национальное самосознание, честь, самоуважение).

Отдельного рассмотрения заслуживает вклад в идейное наполнение образов морального закона, достоинства, прав и обязанностей, который вносят такие дисциплины, как история, архивоведение, этнология, литературоведение и лингвистика. Понятийный комплекс достоинства должен быть проанализирован в контексте процессов нациогенеза, гражданского правосознания, политического самоуправления. Национальный язык и, шире, национально-культурная традиция, в свою очередь, осмыслены как выразители достоинства человеческого сообщества и конституенты достоинства личности. Так, в книге [8] показываются две модели генезиса достоинства в русле становления национально-культурной традиции: «позитивная» (идущая от создания онтологической выделенности, богопричастности человека) и «негативная» (от переживания несправедливости, морального протеста — к моральному самовозрождению личности). На этом основании можно сформулировать социокультурные критерии реализации принципа достоинства в современном обществе.

Дальнейшая работа в данном направлении связана в том числе с компаративным исследованием социальной рефлексии и практики достоинства и свободы личности в цивилизациях Запада и Востока, потенциальных путей обогащения философско-правовой культуры западного общества ценностями восточного мировоззрения. Для этого необходим подробный анализ эвристики философско-правовой мысли французского, английского, американского Просвещения: того, каким образом она повлияла на современную философию достоинства, а какие мотивы, тезисы, интерпретации, наоборот, оказались вытеснены на периферию общественного сознания.

Третье направление связано с переходом изучаемых понятий в область практической политики и в акты международного права. Предметом рассмотрения становится здесь эволюция содержания понятий достоинства, прав и свободы человека в таких документах, как Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об

экономических, социальных и культурных правах, Европейская конвенция о правах человека и протоколы к ней, Итоговый акт Сопещения по безопасности и сотрудничеству в Европе, Хартия Европейского Союза об основных правах и др. В рамках этого направления могут быть заданы предметные вопросы о содержании и правовом смысле понятия «достоинство» применительно к контексту международно-правовых документов, а равно о правовой независимости принципа достоинства, возможности опираться на него безотносительно конкретных норм законодательства, варьирующихся от страны к стране. Это, в свою очередь, ставит на повестку дня разрешение философско-правовых коллизий в связи с альтернативными трактовками достоинства как отдельного права; как базовая ценность и как сочетание этих двух ипостасей.

Разумеется, модель изложения логики достоинства и свободы предполагает взаимосоответствие субъективного и объективного плана понятийного комплекса достоинства, причем «объективность» предстает здесь и как предмет «обобщающего» дискурса, и как интересубъективное поле смыслов. Этим продиктовано *четвертое направление* исследовательской работы. В его рамках интересубъективный контекст способствует рассмотрению императива достоинства сквозь призму понятия о *смысле жизни* как модели организации ценностно-мировоззренческой системы, поведения и деятельности личности. С такой постановкой вопроса мы выходим на понимание достоинства как объекта формирующего воздействия в процессе социализации. Это позволяет дифференцировать созидательные, обогащающие личность, и потенциально деструктивные образовательно-воспитательные практики, обосновать методологические приемы по реализации потенциала образования как основополагающего института становления достоинства, осознания прав и рефлексии социальной ответственности.

Очевидным коррелятом смысла жизни в социально-онтологическом плане выступает представление о ценности человеческого бытия и его обеспечительный механизм — принцип *милосердия*, а также складывающиеся нормы био- и медицинской этики. В антропотехнологической практике тематика достоинства личности проявляется в праве на ответственное и нравственно обеспеченное решение дилемм, связанных с искусственным оплодотворением, прерыванием беременности, эвтаназией безнадежно больных пациентов, а также с социальной реабилитацией и интеграцией людей, нуждающихся в особой заботе. Перефразируя известный афоризм Дж. Неру: «О свободе судите по степени свободы обездоленных», — мы могли бы сказать, что показателем воплощения императивов

достоинства, свободы и прав личности в социуме служат индикаторы достоинства дезадаптированных граждан. Они коррелируют с чертами модели социальной интеграции, основанной на понятии достоинства и несущей такие признаки, как субсидиарность, коллективная ответственность, адаптация к переменам, преодоление социального отчуждения и одиночества.

Мотивом *пятого направления* является проблематизация достоинства в качестве интегрального показателя качества отношений между государством, обществом и человеком в новой политико-правовой парадигме, становление которой связано с развитием правовой культуры, возрастанием процессов социальной самоорганизации и «веса» сетевых отношений в структуре политической жизни, изменением принципов и механизмов общественного управления, внедрением новых социальных и гуманитарных технологий. Для оценки этих процессов требуется особая трактовка документов законодательства, выявление практического смысла категории достоинства в праве, особенностей правоприменения и его социокультурной рефлексии. Таким образом, теоретический подход к осмыслению достоинства смыкается с задачами повседневной регуляции политической, социальной, экономической, культурной жизни, приводит в конечном счете к формулировке конкретных рекомендаций по совершенствованию правового обеспечения достоинства, прав и свободы личности.

Каким видится результат очерченной исследовательской программы? Вероятно, он состоит прежде всего в концепции культурно-антропологических оснований достоинства личности, в понимании достоинства как конституента онтологии «мира людей», важнейшего фактора социодинамики. Отсюда вытекает понимание того, что обязанности, являющиеся эпифеноменом этического императива ответственности — важнейшей и, по сути, основополагающей ипостаси личностного достоинства, — выступают в той же мере предпосылкой прав и одновременно первейшим социально-онтологическим препятствием на пути произвольных, неправовых ограничений свободы человека.

Эта довольно сложная для прочтения конструкция служила и служит, тем не менее, имплицитным основанием наиболее гармоничных форм социально-правового устройства. Конвергентность достоинства, прав и обязанностей личности должна стать инвариантным мотивом самосознания людей, и прежде всего тех, от кого напрямую зависит регуляция социального развития: законодателей, управленцев разного уровня, юристов, педагогов. В форме «идеологической основы» профессиональной подготовки кадров социального управления,

в качестве методологического основания социально-гуманитарной экспертизы различных сторон общественной жизни этот мотив должен выступить магистральным философско-этическим критерием правотворческой деятельности — критерием в подлинном смысле *гуманности* государства и социума.

Чтобы добиться этого, философия достоинства должна строиться на анализе специфической когнитивно-ценностной среды, в которой взращивается достоинство и в особенности комплекс достоинство-мораль, — это самосознание личности, группы, общества в целом. Именно в контексте самосознания достоинство перестает восприниматься как абстрактно заданная цель или трансценденталия. Вместо этого оно ценностно-мировоззренчески осваивается как *мотив* поведения, конкретных поступков и действий межличностного, профессионально-трудового, гражданско-политического характера. Можно привести удачное определение из работы В. Н. Столина: «Как феномены самосознания долг, ответственность, честь, достоинство, совесть конкретизируют для социального индивида... такие нравственные ценности общества, как добро, справедливость, человечность. Эти феномены являются... формой выражения важнейшей черты мотивационной сферы человека, т. е. касаются того факта, что своим высшим, нравственным содержанием мотивы выводят человека за рамки его индивидуального существования... и связывают человека с проблемами эпохи, общества» [10].

Мы далеки от мысли, будто философия, философская логика достоинства и свободы может быть представлена как система в гегелевском духе. В конечном счете это означало бы не что иное, как оторваться от реальности, в очередной раз провести черту между абстрактной идеей гуманизма и противоречивой, зачастую антигуманной социальной практикой. Для постклассической философии очевидно, что жесткая схематизация социального бытия — и есть источник антигуманизма, несвободы. Напротив, философия достоинства как интегральный проект нацелена на то, чтобы, отталкиваясь от противоречий реальной жизни, внести вклад в гармонизацию социальной среды через мягкое, вовлеченное управление ею — управление рефлексивное, а не директивное, деятельность посредством ценностей, а не рассудочных схем.

Сказанное наводит на мысль, что философия достоинства не будет состоятельной без опоры на сверхличностную субстанцию, универсальное мерило. Последнее не обязательно представлять в форме абстракции «человеческого духа» или внерационального *sacrum*. Универсальным кор-

релятом достоинства человека вполне может быть обобщенное понятие самой человеческой личности как творца истории, цивилизации и культуры, преобразователя природы, «автора» множества артефактов, которые наполняли и наполняют жизненный мир человека: от каменных орудий труда до современных технологий и средств. Линия развития цивилизации такова, что достоинство человека во все большей степени обеспечивается креативным потенциалом всего человеческого рода, способностью человечества найти адекватные ответы на свои глобальные и локальные вызовы, продемонстрировать поступательное движение к более справедливому, гармонично устроенному социальному и социоприродному миру.

Здесь нельзя не вспомнить знаменитые слова величайшего философа достоинства — И. Канта: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением... это звездное небо надо мной и моральный закон во мне... я вижу их перед собой и непосредственно связываю их с сознанием своего существования. Первое начинается с того места, которое я занимаю во внешнем чувственно воспринимаемом мире... Второй начинается с моего невидимого Я, с моей личности... Первый взгляд на бесчисленное множество миров как бы уничтожает мое значение как животной твари... Второй, напротив, бесконечно возвышает мою ценность как мыслящего существа, через мою личность, в которой *моральный закон открывает мне жизнь* (выделено нами — *Авт.*)» [11, с. 404]. Моральный закон-логос, открывающий жизнь, — удивительно сильный, многогранный образ, имеющий евангельские параллели. «В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков» (Ин. 1: 4). Действительно, уважение и самоуважение, достоинство, права, обязанности, ответственность, креативность, терпимость, сострадание, милосердие, совесть, свобода — суть те «моральные звезды», которые стоят у истоков и направляют жизнь человека, пути развития цивилизации. Вклад в сохранение этой жизни — лейтмотив философии достоинства.

Список цитированных источников

1. *Moscovici, S. L'Âge des foules: un traité historique de psychologie des masses / S. Moscovici. — Fayard, 1981.*
2. *Rawls, J. A Theory of Justice / J. Rawls. — Belknap Press of Harvard Univ. Press, 1971.*
3. *Хабермас, Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека / Ю. Хабермас // Вопр. философии. — 2012. — № 2. — С. 66–80.*
4. *Евменов, Л. Ф. Международная идеология прав человека: проблемы — решения. Опыт философского исследования / Л. Ф. Евменов. — Минск, 2000.*
5. *Евменов, Л. Ф. Глобализация: конвергенция — достоинство и права человека: сб. науч. ст. / Л. Ф. Евменов. — Минск, 2015.*

6. *Евменов, Л. Ф.* Социально-нравственные императивы человеческой личности / Л. Ф. Евменов // Беларусь. думка. — 2016. — № 1. — С. 91—98.
7. *Le Coz, P.* Dignité et liberté: vers une contradiction insoluble? / P. Le Coz // J. Intern. de Bioethique. — 2010. — Vol. 21. — № 3. — P. 17—27.
8. *Логика достоинства и свободы личности: посвящ. 85-летию Ин-та филос. НАН Беларуси / сост. и науч. ред. Л. Ф. Евменов.* — Минск, 2016.
9. *Гегель, Г. В. Ф.* Наука логики: в 3 т. Т. 1 / Г. В. Ф. Гегель. — М., 1970.
10. *Столин, В. В.* Самосознание личности / В. В. Столин. — М., 1983 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/stolv01/txt10.htm>. — Дата доступа: 20.08.2014
11. *Кант, И.* Критика практического разума / И. Кант // Лекции по этике. — М., 2005.

Дата поступления в редакцию: 16.05.2016 г.